

— Интересуетесь арахнологией? — Марк поманил Игорька, обратил широкую спину к палящему солнцу, накрыв своей тенью белотелую немолодую пару, отличавшуюся загорелыми лицами и кистями рук и возлежавшую ближе других к питьевому фонтанчику.

— Боже упаси! Ну если только в разумных пределах. А что это такое?

— Эй, шкаф. Не заслоняй солнце.

— Молодые люди, вы свои тараканьи бега на детском пляже идите показывайте, а ещё лучше на вдвоем, там будете иметь успех.

Марк, отряхивая серый песок с жёлтых плетёнок, побрёл в рекомендованном направлении, изредка отмахиваясь от настырных оводов. Приятель Игорёк отстал, встретив знакомых.

— Леди Роза, не угодно ли узреть ристалище экзотических существ из мира насекомых за символическую плату? — Марк выудил из пакета две стеклянные банки и поставил рядышком на влажные местами пляжный песок — Мы с вами соседи, ага? Розалия... э-э-э?

— Германовна. Свои яблочки, прямо с ветки. Угощайтесь. Нежные, аж зёрнышки просвечиваются, захочешь — посчитаешь. Нравятся?

— Нравятся прабабушкины зелёные щи со щавелем, очень вкусно готовит.

— Нет-нет. Мать вашей бабушки берёт обеда в старом детском саду, и вы это знаете. Не только щи, и омлеты. А вы, Марк, из своего домика-скворечника на деревьях любите подсматривать за соседками. Что там за козявки в банках? Пауки? Фи! Вы уже в каком?

— Пойду в одиннадцатый. И так-с! Только для избранной публики! Непобедимый Эльф, он же красавец богомол нежно-салатового цвета. Его соперник — хранитель «кротовых нор» в потусторонние миры Норд Аврелий Молниеносный из бродячего паучьего племени, он же победитель осы Помпилы. Опасаясь кровной мести родственников, бойцы согласились на поединок на условиях полной анонимности.

Марк снял крышки, уложил стеклянную тару набок, плотно сдвинув горловины. Членистоногие оппоненты долго обменивались лёгкими поклонами, как бы призывая друг друга начать первым. Марк осторожно пошевелил контейнеры, будто раскатывая тесто. Наконец богомол явил готовность к поединку, принимая боевую стойку. Выпрямился вертикально на четырёх тонких задних лапках: надкрылья открыты и откинuty в стороны, крылья развернулись во всю ширь наполненными парусами, передние хватательные лапы-клещи, сложенные на груди, вдруг широко раскинулись в стороны, обнажив подмышки с белым глазком в чёрном пятне.

Подобие крылатого человечка — эльфа, готового обнять весь мир, восклицая: «Мы все — братья у матери-Природы! Да будем любить друг друга!»

Трагичен жребий соблазнившихся чародейством. Был ли Норд из их числа и поверил призывам заклятого врага, поддался парализующим гипнотическим чарам или справедливо посчитал развёрнутые крылья не романтическими парусами, но развёрнутыми боевыми знамёнами войны? Он и сам не знал ответа, когда, приседая на брюхо или задирая в гору передние лапы, имитировал броски, делал резкие движения, замысловатые

круги вокруг неподвижного Эльфа, вращающего только треугольной головой почти на триста шестьдесят градусов и пристально следящего за добычей для предстоящего пира в попытке разгадать тайный смысл хитрой тактики непрерывного маневрирования.

— Пить охота,— подошедший Игорёк снял тёмные очки, присел на корточки. Вращая белобрысой головой и раскинув тощие руки, изобразил богомола.— Богомол победит! С кем поспорить?

Возможно, уже через минуту или две в невидимом глазу рывке передняя пара хватательных ног, только что звавших в объятия, сомкнётся мёртвой хваткой, звякнув крючками, шипами и зазубринами на отчаянно бьющемся теле Норда. «Прости, друг,— услышит тогда шёпот богомола теряющая подвижность и волю к победе обречённая жертва.— Я вынужден быть хищником и ежедневно питаться свежееубитой дичью, таким создала меня природа. Если небо не упадёт на Землю, то сегодня я реципиент, а ты донор. Истязая твою плоть и упиваясь твоей кровью, я буду делать это с искренним отвращением к самому себе. Тебе одному признаюсь: в душе я почти вегетарианец».

Но резкий выдох через трубку, сложенную Марком из газеты и нацеленную в Норда, изменил ход событий, предрекаемых Игорьком. В тот же миг, пшикнув в неприятельские глаза облаком счёсанных с брюшка острейших и мельчайших волосков, паук скакнул на треугольную голову, впиваясь в неё ядовитыми челюстями. Инопланетное существо, Голиаф среди насекомых, красавец Эльф нежно-салатового цвета, архивраг и кровник Семинога, повержен после страшных укусов, поражающих нервный центр в основании затылка. Скукожился, распластав несоразмерные конечности. На удивление, совсем немного времени потребовалось пятиглазому бродяге на то, чтобы отчленив клешни, только что мечтавшие заключить его в смертельных объятиях.

— Сработал прабабушкин рецепт, как взбодрить квёлого паука. Ей ли это не знать, если она доктор наук по этой теме? У неё приличная коллекция этих голубокровных, богомол и Норд — готовились туда же. Честно сказать — изъяты из карантина без спору. В какой стороне питьевой фонтанчик? Розалия Германовна, вам тоже принести? А в чём?

— В клюве, как птица птенцу носит. Пить как? Из рта в рот, конечно. Большая коллекция, говоришь? Можно инклюзии под янтарь делать. Видела такую мастерскую оберегов в Париже. Маркетинг мой. Покумекайте. Похоже, мне пора собираться. Тучки странные, как дирижабли. Сейчас мой Буцефал на «колеснице богов» подкатит. Это я его так назвала, а ему нравится. Тоже с причудами — без куска колючей проволоки из гаража не выезжает. Мол, это талисман. Если я расплачусь за представление натуральным купоном на квест, на послезавтра? Ну, это игра такая, читайте, тут написано: «Экшн-квест с элементами перформанса: Призрак Дома с музами». Купон на четырёх игроков. Не азартные? А я квестоманка, тем паче оное есть мой бизнес. Персонал — нанятые актёры, профи. И я в игре, там я госпожа Тьютор, от слова «сопровождать». Тема такая: в том доме в войну реально был эвакогоспиталь, а в подвале был морг. Нынче в нём мается призрак умершей от ран лётчицы-штурмана из женского полка. По легенде, ночью ожившей и далее по сценарию. Игроки ищут древний подземный ход и много чего, а помогает тот самый призрак. Как вам такая фабула?

В указанный на купоне день и час, перед спуском в «катакомбы», участники игры — Марк с одноклассницей Евдокией, Игорёк с подружкой Софи, пятый почётный игрок в команде — прабабушка Мирослава, которую, против ожидания, не пришлось уговаривать, — принимали извинения от представителя компании «КвестТур» госпожи Тьютор за «возможные

неудобства вследствие недавней дезинсекции подвала». Госпожа ведущая, в пышном парике и свободном цветастом сарафане напоминая любимую куклу, забытую в шкафу давно повзрослевшей хозяйкой и случайно извлечённую, перечислила нехитрые требования инструкции по безопасности в предстоящей игре. Непременное условие — отсутствие в команде эпилептиков и страдающих клаустрофобией.

После двухчасовой забавы с головоломками, перед финишным испытанием, ведущей предложено «сомкнуться» для традиционного общего фото в «креативных» декорациях для рекламы в сетях. Госпожа Тьютор несколько раз позвала Ольгу Олеговну — актрису, игравшую бессловесную и незримую роль Призрака (он же высоковольтный Дух), за которым шла команда в сумеречных лабиринтах подземного хода, видя только далеко впереди размытый силуэт, излучавший зеленоватое свечение. Некто, исполнявший роль Посредника между мирами, в ком угадывался Буцефал, удивился неосведомлённости госпожи ведущей:

— Ольга Олеговна здесь сейчас быть никак не могут, они на гастролях!

На чей-то справедливый вопрос, а за кем тогда шли они по пыльным штольням, ответом были троекратное чихание Мирославы, участие которой предполагалось лишь в двух-трёх первых испытаниях, и низкий голос откуда-то из мрака бокового ответвления, кажущегося тупиковым:

— Салфет Вашей милости! Приветствую командира звена!

— Красота Вашей чести! — Мирослава присела на складной стул, поданный Буцефалом. — А вы кто?

— Навечно штурман твой, Глафира. Ночная ведьма в бытность на Земле, а ныне облаков пастушка. Явилась, призванная трижды, игру свою вам предложить. На Божий свет из сей темницы возможен выход

лишь для тех, кто женской особью зовётся. С собою взять дозволено вам будет, что на себе под силу унести.

— Глаша? Ты же... в сорок третьем? Этот шоковый сюрприз по сценарию? Правдоподобно, желательно предупредить. Пожалуй, я заигралась.

Мирослава удалилась не прощаясь, сопровождаемая Посредником между мирами, которому было поручено отвезти её домой.

— Есть эта, как её... — Марк вопросительно уставился на Софи, нетерпеливо пощёлкивая пальцами, и тут же махнул рукой. — О, вспомнил слово: легенда! Из осаждённого города, где-то в Германии средних веков, разрешили выпустить живьём только баб, извините, женщин, с условием, что им можно взять с собой только то, что они смогут унести на себе. А они вынесли на себе своих мужей. В общем, чтобы выполнить условия и выйти наконец из подземного царства, вам, девчонки, надо вынести нас с Игорьком на себе. Кто меня потащит на горбу? Евдокия, могу надеяться на такой, как его... ангажемент?

Неожиданно Евдокия отказалась тащить на себе «бугая». Мол, если деваться некуда, то ей по силам вызволить аскетичного Игоря, а Марка логичнее доверить Софи, с её широкой костью.

Игроки покидали затхлое подземелье Дома с музами (именуемое госпожой Тьютор локацией), перекрытое кирпичными сводиками по стальным балкам, опирающимися на стены из бутового камня, источавшего неистребимый запах карболки, с мыслью никогда не возвращаться сюда по доброй воле. А ещё — с убеждённой уверенностью в реальном существовании легендарного Призрака, помогавшего им вернуться из преисподней, не продав душу лукавому. Госпожа Тьютор, с ловкостью фокусника вернувшая себе облик Розы Германовны, пообещала кого-то жестоко наказать за «чудовищную финальную импровизацию», а в качестве бонуса за

отличную игру подарила команде игроков ужин в своей парковой кафешке «Роза ветров».

Договорившись с подругами, «спасшими их от вечного заточения в темнице», встретиться вечером в кафе, приятели возвращались в свой «частный сектор». Сразу за регулируемым переездом с домиком зрителя — поворот на просёлочную дорогу, вытянувшуюся вдоль лесополосы параллельно «железке». Обгоняя, низко и неслышно пролетел на убранном газу и приземлился недалеко впереди «кукурузник», всплыв обочину. Ярко-рыжий кот спрыгнул на землю, лётчик неуклюже последовал за ним, защитные очки с «бровями» сдвинул на лоб и, направив пистолет на подбежавшего первым Марка, крикнул простуженным голосом:

— Ты кто? Где немцы? Где самолёт подбитый сел?

— Это кино снимается? Про войну?

Воздушный ас оказался девушкой с короткими русыми кудряшками, выбивающимися из-под шлема, и белым шёлковым шарфиком вместо подворотничка.

— А вы артистка?

— Ага, снимай штаны, будем знакомиться! «Ночные ведьмы» мы для немцев. Для наших — феи, а смертью храбрых павшие — пастушки облаков. Комсомольцы? Чё не на фронте? Дезертиры?

Не дослушав отвечавшего вопросом на вопрос, потребовала газету, торчащую из пакета с банками. Разглядев дату «Новой газеты», военлёт выругалась, тряхнула головой, будто освобождаясь от наваждения; выслушав подтверждение, какой нынче год, крикнула штурману во второй кабине:

— Глаша, чуешь? Подивись, тута у нас женихи из двадцать первого века! Об этом коли доложить, а адъютант эскадрильи в листок происшествий лётной книжки впишет — комиссуют в психушку. Тикать отсель! Ну-ка, дюжий кучерявый, подсоби девушке

на крыло стать, раной ноги маюсь. В банке паучок? У меня такой же, вроде амулета.

Наклонившись и сомкнув кисти рук «ступенькой», Марк чихнул на неровно вышитую голубую незабудку в уголке портянки, выглядывающей рядом с его газетой из серого от пыли широкого голенища.

— Салфет Вашей милости!

— Красота Вашей чести! — ответил машинально Марк.

Мирослава рассказывала: такой обмен любезностями, кем-то однажды произнесённый за завтраком, стал традицией в полку «ночных ведьм» и даже звучал по рации как пароль и отзыв в переговорах разведчиков погоды с командным пунктом.

— Откуда знаешь позывные эскадрильи?

— От прабабушки Мирославы. За восемьдесят, а память — дай Бог каждому. У Евтушенко стихи про лётчиц в войну — читает наизусть.

— Я тоже Мирослава, одна Мирослава на весь полк. А Евтушенко — это кто? Ржавый, кыс-кыс.

— Кот тоже талисман?

— Мыши перкаль грызут и проводку. От винта!

Игорёк, торопливо надёргавший пучок полевых цветов вперемешку с травой, красивым жестом ловко бросил охапку в кабину штурмана, словно то были театральные подмости. После короткого разбега тёмно-зелёный биплан, с надписью «Мстим за боевых подруг», красными звёздами в белой кайме и мышеловом на коленях пилота, неуверенно оттолкнулся от земли, оставляя, как ящерица хвост, плотный шлейф дорожного праха цвета седой бороды. Воздушное судно сделало круг, не набирая высоты, пилот помахал рукой, не ангельский голос с небес прокричал что-то.

— Что-что они там?

— «Феи сено не едят!» Дуры, мои цветы выбросили. Вообще, шо это было?

— Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд, то грудями колыхают, то задами шевелят,— Марк отряхнул штанины.— Кот линяет. Наверняка это юмористки-пилотессы из аэроклуба. У них фестиваль исторической, этой, как её... реконструкции. «Дорогами Великой войны» — так называется. Ихний подскок (запасной аэродром.— *Рег.*) рядом. Прабабусю приглашали, как ветерана. Была на открытии.

— Непривычный вид без макияжа — как монашки. Видать, специально не крашенные, для натуральности. И бензином пахнут. Думали, мы поверим, что они прямо с войны в наше время перелетели. Улыбнитесь, лохи,— это прикол!

— А смотрятся убедительно — лейтенант с двумя кубарями на «этажерке». Прабабка что-то говорила про похожий случай с нею на войне. И вошебойка редко приезжала, стирали робы в бензине. Кстати, пилотесса симпатичная, глаза дюже голубые, аж васильковые. На мобильник мы их так и не сняли?

Когда друзья вышагивали по тротуару автодорожного моста, мимо, с явным превышением скорости, промелькнула легковушка, похожая на аспидную иномарку соседки Розалии Германовны. Преследовавшая полицейская машина на повороте перед въездом на эстакаду вдруг завиляла, повизгивая, и, стремительно съехав с обочины, увязла в камышах. «Мила своим движением вода остановившемуся человеку»,— вспомнил Марк чьи-то строчки, стоя на самой середине моста и вытряхивая из банки останки богомола в реку, взволнованную состязанием двух «безбашенных» гидроциклов.

Марку подумалось: если представить, что это был бы не розыгрыш, то, вернувшись к своим, они показали бы газету из будущего, где нет Советского Союза, Россия строит капитализм, а Германия — ведущая страна Европы. Газету, конечно, признают фальшивкой и сфабрикованной провокацией, а доставивших

её на фронт — расстреляют. Для них было бы лучше — выбросить её.

Когда вошёл, не звякнув калиткой, во двор, сторожевая Фланка брезгливо обнюхала пакет и вернулась в будку, не виляя хвостом. Дом был пуст. Увидев себя в зеркале, подумал: смотрюсь грустным смайликом. На столе свёртки кардиограмм, сборник Евтушенко с автографом автора на обложке и открытый фотоальбом. На знакомом с раннего детства военном фото — лётчицы сорок шестого женского полка ночных бомбардировщиков в строю на вручении гвардейского знамени. Вот юная красавица гвардии лейтенант Мирослава, его прабабушка. Рядом её штурман Глафира, умершая в госпитале от тяжёлых ран. По мобильнику сообщили, что старушку увезла скорая, а она интересовалась: «За мной прилетели? Салфет Вашей милости!»

Правнук вышел во двор. Почему-то вспомнились слова священника на открытии фестиваля: воительница Орлеанская дева сожжена на костре и причислена к лику святых, а эти девчонки — добровольные воительницы, летавшие без парашютов, с одним ТТ, на учебных фанерно-тканевых тихоходах, мгновенно вспыхивающих от искры и сгоравших так, что имена определяли по орденам, — разве они не святы?

С незримого края небес со стороны палящего солнца долго падала, не находя подходящего места на Земле, пока не распласталась под когтистыми лапами Фланки, внезапно пожухшая, как музейный раритет, либеральная «Новая газета» с едва различимой датой недельной давности. Мелкие облака разбрелись по небу-пастбищу, но вот, подчиняясь неведомой воле, сбились в плотное стадо, затмившее солнце. Хрупок мир под тонкой защитной прослойкой атмосферы, высотой от облака до тени онога на Земле.